

ГЛАВА IV.

Пиеагоръ и пиеагорейцы.

Источники.

Личность Пиеагора, религіознаго реформатора и одного изъ величайшихъ философовъ Греціи, была уже въ V вѣкѣ окружена легендой, и точныя свѣдѣнія объ его жизни, ученіи и ранней судьбѣ основаннаго имъ союза крайне скудны. Онъ жилъ въ VI в. до Р. Х., а біографіи Діогена Лаэртія, Порфирія и Ямблиха составлены въ III и IV в. послѣ Р. Х.; самые источники, на основаніи которыхъ онѣ написаны, въ лучшемъ случаѣ не восходятъ ранѣе IV в. до Р. Х.

Пиеагорейская философія—или, точнѣе, совокупность ученій, носившихъ это названіе—тянется съ VI в. до Р. Х., вплоть до неоплатонизма, въ которомъ она растворяется въ III в. нашей эры. Неудивительно, что она измѣняла своя первоначальное значеніе въ теченіе столь долгихъ вѣковъ. Первые два вѣка приходятся на развитіе старо-пиеагорейской школы, при чемъ уже за этотъ періодъ въ ея средѣ намѣчаются значительныя разногласія или различія. Затѣмъ во второй половинѣ IV в. пиеагорейское *ученіе* поглощается платонизмомъ, а самая школа продолжаетъ существовать лишь въ видѣ мистической секты или религіознаго союза, въ которомъ научная дѣятельность теряется—сохраняется лишь обрядность и суевѣрное постничество, надъ которымъ потѣшаются комики. Наконецъ, начиная съ II в., пиеагорейство возрождается вновь, но это „новопиеагорейство“ есть въ сущности совершенно новое ученіе, стремящееся примирить начала Платона, Аристотеля и стоиковъ въ сборной системѣ, которая выдается за подлинную философію Пиеагора, вкладывается въ якобы древніе пиеагорійскіе символы и развивается въ дѣлой литературѣ подложныхъ сочиненій, приписываемыхъ Пиеагору и ближайшимъ его ученикамъ. Почти всѣ „пиеагорейскія“ произведенія, дошедшія до насъ въ фрагментахъ или извѣстныя хотя бы по заглавіямъ, принадлежатъ именно къ этой апокрифической литературѣ. Таковы, напр., фрагменты изъ мнимаго сочиненія Архита, тарентскаго стратега, современника и друга Платона: „жухонный“ дорійскій языкъ этихъ фрагментовъ и ихъ Аристотелевская терминологія достаточно обличаютъ ихъ фабрикацію. Труднѣе высказаться относительно фрагментовъ, приписываемыхъ Филолаю, который якобы впервые составилъ письменное изложеніе Пиеагоровой философіи: несмотря на сомнѣнія нѣкоторыхъ критиковъ, ихъ легче объяснить, допуская ихъ подлинность, нежели отвергая ее. Такимъ образомъ, разбираясь въ позднѣйшихъ свѣдѣтельствахъ или источникахъ, касающихся

пифагорейскаго ученія, мы должны тщательно различать позднѣйшія наслоенія новопифагорейства (со II в.) и платонизма. Большое значеніе имѣютъ для насъ свидѣтельства Платона, Спевсиппа (Diels, Fragmente, 245), Аристотеля и его ближайшихъ учениковъ, въ особенности Теофраста, дошедшія до насъ черезъ посредство доксографовъ. Однако и эти свидѣтели не могли имѣть точныхъ свѣдѣній о началѣ ученія: они могли знать Филолая или Архита, которому Аристотель посвятилъ особое сочиненіе, но то, что Аристотель говоритъ о началѣ ученія (М. I, 5), показываетъ, что онъ и не претендуетъ знать, чему училъ самъ Пифагоръ, который, по преданію самой школы, не оставилъ письменнаго изложенія своего ученія. О степени различія и уклоненія въ области ученія мы можемъ судить на томъ основаніи, что такіе оригинальные и своеобразные мыслители, какъ Парменидъ и Эмпедоклъ, принадлежали къ пифагорейскому союзу: это не мѣшало имъ выступить каждому съ своимъ ученіемъ, которое никто не назоветъ пифагорейскимъ. Между тѣмъ они выступили съ своими сочиненіями во всякомъ случаѣ ранѣе Филолая, а ихъ сочиненія цѣнны и для исторіи ранняго пифагорейства, поскольку въ нихъ можно прослѣдить его вліянія.

Все это до крайности затрудняетъ задачу критика. Трудно даже отвѣсти пифагорейцамъ подобающее мѣсто въ изложеніи исторіи философіи. Пифагоръ — полумифическій мудрецъ, современникъ Анаксимандра и Ферекида, Филолай—современникъ Сократа, Архитъ—другъ Платона. Иные отдѣляютъ Пифагора отъ пифагорейцевъ, причисляютъ его къ мистикамъ и видятъ въ немъ религіознаго учителя, близкаго къ орфикамъ и чуждаго научнаго духа, и номѣщаютъ пифагорейцевъ лишь *послѣ* другихъ до-сократовскихъ физиковъ. Но какъ отдѣлить ранніе элементы пифагорейства отъ болѣе позднихъ, въ особенности при томъ условіи, что и эти послѣдніе недостаточно выяснены? Все міросозерцаніе школы, поскольку мы можемъ составить себѣ понятіе о немъ, носитъ весьма архаическій характеръ и показываетъ слабую степень развитія абстракціи. И тѣмъ не менѣе оно проникнуто однимъ духомъ, и руководящія начала его ясны и опредѣленны, при всѣхъ тѣхъ частныхъ различіяхъ, какія Аристотель отмѣчаетъ среди пифагорейцевъ, ему современныхъ.

О математикѣ пифагорейцевъ мы также имѣемъ лишь фрагментарныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ главнымъ образомъ черезъ посредство позднѣйшихъ греческихъ математиковъ, черпавшихъ изъ исторіи геометріи ученика Аристотеля Евдема. (См. *Таннери*, Hist. de la geometrie grecque и его же Ист. греч. науки; также Cantor, Vorles. über die Gesch. d. gr. Mathematik, 1894, и Hultsch, статью Arithmetik въ Энци. Pauly-Wissowa.)

Пифагоръ и его союзъ.

Пифагоръ, сынъ Мнесарха, уроженецъ острова Самоса, прославился уже среди современниковъ, какъ религіозный учитель, ученый и философъ, преросходившій всѣхъ своими познаніями. „Многознаніе уму не научаетъ,—говоритъ Гераклитъ,—иначе бы оно научило Гесіода и Пифагора, а также и Ксенофана и Гекатея“ (fr. 40); въ другомъ отрывкѣ онъ говоритъ, что „Пифа-

горь болѣе всѣхъ подвизался въ учености и сочинилъ свою премудрость—многознаніе и злохудожество“. Позднѣйшія преданія много говорятъ о путешествіяхъ Пифагора, но ничего достовѣрнаго о нихъ мы не знаемъ; болѣе остального вѣроятно еще его путешествіе въ Египетъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно тѣхъ учителей, которыхъ ему приписывали: вѣроятно только его знакомство съ учениемъ Анаксимандра, а можетъ быть и другихъ представителей Милетской школы; возможно также, что онъ былъ знакомъ съ учениемъ Ферекида, хотя намъ и неясно, чему онъ могъ научиться изъ его миеологической космогоніи. Приблизительно около 530 г. Пифагоръ переселился въ Кротонъ, важный культурный центръ Великой Греціи (Ю. Италіи), гдѣ онъ основалъ союзъ, носившій его имя. Пифагорейскія мистеріи уже въ древности сближались съ орфическими—настолько, что уже Геродотъ не различалъ между ними (II, 81); какъ уже сказано, есть основаніе предполагать, что орфики частью заимствовали у пифагорейцевъ нѣкоторыя свои ученія, частью же могли и сами оказать на нихъ нѣкоторое вліяніе. Переселеніе Пифагора могло быть вызвано его связью съ мѣстными орфиками, или же тиранніей Поликрата, который не могъ допустить дѣятельности тайнаго общества, преслѣдующаго не только религіозныя, но и политическія цѣли, какимъ несомнѣнно былъ пифагорейскій союзъ. Политикой и религіей дѣятельность союза однако не ограничивалась: союзъ былъ философскою школою, а Пифагоръ—одинъ изъ величайшихъ греческихъ мыслителей (Herod., IV, 95, ἑλληρῶν οὗκ ἀδυνάστους σοφιστῆς Πυθαγόρας), создатель научной геометріи, теоріи чиселъ, ученія о гармоніи и основатель оригинальнаго философскаго міросозерцанія, видѣвшій во вселенной царство математическихъ законовъ.

Въ Пифагорѣ видѣли то исключительно религіознаго реформатора, мистика или пророка, то моралиста и политическаго организатора, то исключительно ученаго и философа. Уже у древнихъ можно найти отголоски этихъ мнѣній, если разобратъся въ различныхъ наслоеніяхъ преданій, вошедшихъ въ біографіи Ямвлиха, Порфирія и Діогена Лаэртія. Между тѣмъ оригинальность Пифагора сказывалась, повидимому, именно въ своеобразномъ соединеніи различныхъ сторонъ духовной дѣятельности, въ основаніи новаго особеннаго „образа жизни“: его союзъ былъ въ одно и то же время церковью, философскою школою и политической *истеріей*, распространившеюся далеко за предѣлы Кротона. По всѣмъ даннымъ, союзъ этотъ былъ довольно многочисленнымъ, и члены его дѣятельно вмѣшивались въ политическую жизнь. Въ самомъ Кротонѣ еще при Пифагорѣ союзъ вызвалъ сильную оппозицію, во главѣ которой сталъ нѣкій демагогъ Килонъ. Пифагоръ былъ вынужденъ удалиться въ Метапонтъ, гдѣ и умеръ—неизвѣстно въ V или VI вѣкѣ. Послѣ его смерти политическая дѣятельность союза не прекращается. Парменидъ былъ политическимъ дѣятелемъ въ Элеѣ, ученикъ его Зенонъ палъ мученикомъ за свободу роднаго города, Эмпедоклъ Агригентскій былъ демагогомъ, бордомъ противъ тиранніи. Приблизительно во второй половинѣ V в. въ Ю. Италіи произошелъ разгромъ пифагорейскаго союза. Сторонники Килона подожгли домъ атлета Милона Кротонскаго, гдѣ были собраны пифагорейцы; изъ нихъ спаслись будто бы только двое—Архитъ и Лисисъ, бывшій впоследствии въ Фивахъ

учителемъ Эпаминонда. Такъ какъ этотъ послѣдній родился только приблиз. въ 420 году, то ясно, что разгромъ союза, о которомъ идетъ рѣчь, могъ произойти лишь во второй половинѣ V в. Изъ Кротона движеніе противъ союза быстро распространилось и по другимъ городамъ, захвативъ и Метапонтъ, что уже само по себѣ указываетъ на политическое значеніе союза, ставшаго жертвою настоящаго заговора. „Повсюду въ Великой Греціи,—говоритъ Полибій (II, 39),—собранія пифагорейцевъ были сожжены, и такъ какъ, естественно, *такимъ образомъ погибли первые люди въ каждомъ городѣ*, то отсюда повсемѣстно произошли величайшія потрясенія государственнаго строя, и города переполнились убійствомъ, усобицей и всяческой смутой“. Остатки пифагорейцевъ разсѣялись; иные переселились въ Грецію, какъ, напр., Лисійс и Филолай, гостившіе въ Фивахъ въ концѣ V в. Смуты прекратились лишь при помощи посредничества посланцевъ изъ Ахеи,—Кротонъ былъ ахейскою колоніей. Пифагорейцы снова вернулись въ италійскую родину и вновь достигли значительнаго вліянія. Филолай будто бы былъ убитъ по подозрѣнію въ заговорѣ съ цѣлью захватить власть.

Главнымъ центромъ уцѣлѣвшихъ пифагорейцевъ дѣлается Тарентъ, гдѣ въ началѣ IV в. прославился Архитъ, другъ Платона, знаменитый математикъ и физикъ, создатель научной механики и вмѣстѣ государственный членъ, долгое время стоявшій во главѣ роднаго города и бывшій семь разъ стратегомъ. Пифагорейцы были дѣятельными противниками тирана Діонисія Сиракузскаго и стояли во главѣ оппозиціи противъ его политики среди греческихъ городовъ Италіи.

Такимъ образомъ борьба противъ тиранніи и столкновение съ демократіей—вотъ характерныя черты пифагорейской политики; пифагорейскій союзъ является аристократической гетеріей, организованной Пифагоромъ на чужбинѣ, среди демократическаго общества южно-италійскихъ колоній. Это важное историческое указаніе, бросающее свѣтъ на дѣятельность Пифагора. Его цѣль состояла, повидимому, въ томъ, чтобы *создать* новую аристократію—образовать *господство лучшихъ* посредствомъ *религіознаго союза* и *воспитанія* въ философской школѣ. Союзъ Пифагора впоследствии внушилъ Платону его идеальное государство, управляемое философами. Но во всякомъ случаѣ замысль Пифагора, о широтѣ котораго мы теперь судить не можемъ, оказался болѣе практичнымъ, осуществимымъ: ему удалось на дѣлѣ сплотить могущественную умственную аристократію, въ составъ которой вошли выдающіеся политическіе дѣятели, ученые, философы, врачи, атлеты, подобно Милону. Достоинно вниманія, что и женщины допускались въ союзъ. Идеаль этой аристократіи есть прежде всего этический идеаль, и можно думать, что Аристоксенъ, ученикъ Аристотеля, знавшій „послѣднихъ пифагорейцевъ“ философовъ, даетъ приблизительно вѣрное изображеніе ихъ нравственныхъ тенденцій. Для членовъ общества нѣтъ зла хуже безначалія, и для спасенія общества необходимо существованіе правителей. Отъ правящихъ требуется *прощеніе* и *чуждость*, чуждость, чуждость, отъ управляемыхъ—не только повиновеніе, но и почтеніе къ старшимъ, къ правящимъ, почитаніе отечественныхъ боговъ и отечественныхъ законовъ, почитаніе родителей и правителей: вотъ нравствен-

но-религіозная основа нормального общества. Но для того, чтобы достойно и успѣшно дѣлать свое государственное дѣло, правящіе должны быть дѣйствительно лучшими людьми—не по рожденію, а по доблести, силѣ, разуму, по развитію своихъ способностей и добродѣтелей. И отсюда требованіе воспитанія, религіознаго, умственнаго и нравственнаго, которое осуществляется въ союзѣ. Мистическій культъ, въ который члены посвящались послѣ определеннаго послушничества, общія трапезы, общія занятія музыкой и гимнастикой и научныя занятія соединяли пифагорейцевъ помимо тѣхъ общихъ политическихъ цѣлей, которыя они преслѣдовали. Здѣсь впервые осуществляется тотъ своеобразный идеалъ высшей жизни, свойственный въ извѣстной мѣрѣ и всѣмъ позднѣйшимъ философскимъ школамъ древности,—жизни, проводимой въ замкнутомъ кругу избранныхъ друзей, соединенныхъ общностью духовныхъ интересовъ, отдавшихъ всецѣло совмѣстному исканію истины и заботѣ о совершенствованіи, о гармоническомъ развитіи своихъ духовныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ. Въ философскихъ школахъ древности развивались самыя сильныя узы дружбы: нигдѣ не цѣнили ее такъ высоко, нигдѣ не отдавались ей съ такимъ пафосомъ, находя въ ней одно изъ высшихъ благъ человѣческой жизни; то былъ восторгъ передъ почувствованнымъ высшимъ благородствомъ, духовною красотой человѣческой личности. Впослѣдствіи Платонъ художественно изображаетъ намъ этотъ восторженный пафосъ, доходящій иногда до болѣзненныхъ уклоненій. Аристотель даетъ замѣчательно тонкую и возвышенную этическую оцѣнку дружбы, и самыя эпикурейцы прославились ея культомъ. Но первымъ союзомъ, церковью друзей былъ пифагорейскій союзъ. И въ преданіяхъ школы сохранились имена истинныхъ героевъ дружбы, о которыхъ повѣствуетъ Аристоксенъ у Ямблиха (V, Pyth., 233—239),—сюда относятся, между прочимъ, сказаніе о дружбѣ Дамона и Финтія, вдохновившее Шиллера.

Пифагоръ былъ *учителемъ жизни*, и еще во дни Платона популярность его и его послѣдователей связывалась преимущественно съ тѣмъ новымъ „образомъ жизни“ (*πυθαγόρειος τρόπος τοῦ βίου*), котораго они держались (Рер., X, 600 В). Школа была своего рода религіознымъ орденомъ, и основатель его уже въ V вѣкѣ пользовался высшимъ религіознымъ авторитетомъ, изображался какимъ-то „сверхъ-человѣкомъ“, обладавшимъ особою мудростью и прозорливостью (ср. Эмпедокла, fr. 129). То немного, что мы знаемъ объ его религіозномъ ученіи, заставляетъ сближать его съ орфиками, хотя, повидимому, главнымъ божествомъ союза былъ *Аполлонъ* и хотя возможно, что ученіе о душепереселеніи было заимствовано орфиками отъ Пифагора. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь, и тамъ религіозною цѣлью служить *спасеніе души*. Эта послѣдняя есть бессмертное демоническое существо, падшее въ земной мѣрѣ и, въ наказаніе, заключенное подъ „стражу“ въ „темницу“ тѣла. Душа не имѣетъ необходимаго отношенія къ тѣлу, въ которомъ она живетъ; она можетъ переселяться и въ другія тѣла. По смерти, разлучившись съ тѣломъ, душа получаетъ возмездіе въ загробномъ мѣрѣ; а по истеченіи определеннаго срока воплощается вновь въ какомъ-либо другомъ человѣческомъ или даже животномъ тѣлѣ,—воззрѣніе, которое осмѣиваетъ уже Ксенофанъ (fr. 7).

Старинные легенды повествуют о том, что Пифагор обладал памятью своих предшествовавших воплощений и, по-видимому, представления о такой чудесной анамнезе (воспоминании) были распространены в пифагорейских кругах V в. (ср. Эмпедокла. fr. 117).

С этими верованиями, как и у орфиков, связывался особый *культ*, состоявший из таинственных обрядов и очищений, особенный «пифагорейский образ жизни», налагавший на членов союза ряд обрядовых предписаний — воздержание от мясной пищи, от бобов, от некоторых рыб и шерстяной одежды и вообще соблюдение особого рода ритуальной «чистоты». Правда, нет основания приписывать самому Пифагору всю совокупность аскетических правил и ритуальных суеверий, соблюдавшихся впоследствии его школой: по-видимому, здесь влияние орфиков было очень значительно и впоследствии, когда научная и политическая жизнь союза заглохла. Но, с другой стороны, известные «символы» связывались со всеми тайными культами. Спасение души посредством таинственного очищения и посвящения, очевидно, играло первенствующую роль и в ранних пифагорейских мистериях: освобождение от душескитания, приобщение бессмертию богов было главной целью, а средством служило не одно нравственное, но и прежде всего ритуальное очищение. В какой мере требовал Пифагор воздержания от мясной пищи, которое строго соблюдалось его последователями, — сказать трудно¹; но, по-видимому, уже он требовал жалости к животным, обосновывая это требование учением о душепереселении.

От религии Пифагора перейдем к его философии и рассмотрим, в чем заключались основы пифагорейского мирозерцания. «Он был первый, давший философии ее название и назвавший себя философом», говорит Диоген (прооет. 12)². Как ни трудно говорить о такой неопределенной величине, как «философия Пифагора», мы полагаем, что вся история его школы делается непонятной, если мы вместе с некоторыми современными критиками откажемся видеть в этом «первом из философов» что-либо иное, кроме знахаря, и отвергнем предания, правда, может быть недостаточно ранняя, но все же дающая хотя бы правдоподобный ответ на вопрос о том, в чем состояла «многоученость» Пифагора и та «история», или научное знание, в котором он, по свидетельству Гераклита, превосходил современников и предшественников.

Философские начала пифагорейцев

а) Математическое мирообъяснение

По свидетельству Евдема, Пифагор впервые обратил занятия геометрией в действительную науку, рассмотревши ее начала с высшей точки зрения

---

¹По Ямвлиху, он воздерживался лишь от мяса тех животных, которые не приносятся в жертву Олимпийским богам (человеческая душа не переселяется в θύσῳα ζῶα — животных, годных для жертвы, V. Pyth., 85).

²Зенон, ученик Парменида, полемизировавший с пифагорейцами, озаглавил свое сочинение, направленное, по-видимому, против их учения, — «против философов», что подтверждает это предание. Другой вопрос, все ли члены союза были «философами»?

и изслѣдовавъ ея теоремы умозрительнымъ путемъ. Онъ создалъ ученіе о несоизмѣримости и пяти правильныхъ тѣлахъ. Ему же приписывается теорема, носящая его имя о квадратахъ сторонъ прямоугольнаго треугольника. Онъ является такимъ образомъ основателемъ дедуктивной геометріи. „Исторіей“ Пифагора была прежде всего *геометрія* ¹⁾. Еще болѣе занимался Пифагоръ арифметикою, или *теоріей чиселъ*, которая также отъ него ведетъ свое начало: ему приписывается ученіе о четныхъ и нечетныхъ числахъ, о квадратныхъ и гармоническихъ числахъ. Далѣе Пифагору же приписывается первое примѣненіе математики къ музыкѣ, т.-е. открытіе законовъ музыкальной гармоніи. Наконецъ, какъ мы увидимъ, есть основаніе думать, что Пифагору не были чужды и астрономическія наблюденія и умозрѣнія въ духѣ его предшественниковъ Милетской школы. Въ какой мѣрѣ все это достовѣрно и въ какой степени труды послѣдователей и учениковъ приписываются самому учителю—отвѣтить трудно. Во всякомъ случаѣ все направленіе школы предполагаетъ открытіе *научной геометріи, занятія теоріей чиселъ и попытку объяснить природу путемъ приложенія геометріи и арифметики къ физикѣ*. Въ этомъ—суть пифагорейства, и его начальный научно-философскій замыселъ всего естественнѣе возводитъ къ отцу научной математики, Пифагору.

„Такъ называемые пифагорейцы, — говоритъ Аристотель, — взялись за математическія науки и подвинули ихъ впередъ. Вскормленные въ этихъ наукахъ, они признали математическія начала за начала всего существующаго. Изъ такихъ началъ числа суть первыя по природѣ, и имъ казалось, что въ числахъ они видятъ множество подобій съ вещами... такъ что данная особенность чиселъ являлась имъ какъ справедливость, другая какъ душа или разумъ, третья—какъ благоприятный случай и т. д. относительно всего остальнаго; далѣе, свойства и отношенія музыкальной гармоніи они усматривали также въ числахъ. И такимъ образомъ, такъ какъ имъ казалось, что все прочее по природѣ своей уподобляется числамъ, а самыя числа являлись имъ первыми изъ всей природы, то они приняли, что элементы числа суть элементы всего существующаго и что все небо есть гармонія и число. И всѣ соотвѣтствія, какія они могли указать въ числахъ или гармоніяхъ съ состояніями или частями неба, или съ строеніемъ міроваго цѣлаго, они собирали вмѣстѣ и согласовывали другъ съ другомъ; а если гдѣ чего-нибудь не хватало, они всячески усиливались прибавить что-нибудь, дабы придать связную послѣдовательность всему своему построенію“ (Met. I).

Итакъ, пифагорейцы впервые занялись математикою и открыли въ ней путь безусловно достовѣрнаго научнаго знанія. Первые лучи научной истины не могли не поразить умовъ, не ослѣпить непривычнаго глаза. Органъ научнаго познанія найденъ: не есть ли математика и принципъ математики, число,—ключъ къ познанію всего сущаго? „Природа числа даетъ знаніе, руководство, поученіе всякому во всякой вещи, сомнительной или неизвѣстной,—говоритъ Филолай.—Ибо ни одна изъ вещей не была бы ясною ни для кого, ни сама по себѣ, ни по отношенію къ другимъ, если бы не было числа

1) Jambl. de V. P., 89: ἐκατέτα δὲ ἡ γεωμετρία πρὸς Πυθαγόρου ἱστορία.

и того, что ему присуще“ (fr. 11). Древние поэты вѣрили въ объективный законъ, царствующій въ мѣрѣ: мѣръ есть *устроенное* цѣлое, ладъ или строй— „космосъ“, терминъ, по преданію, опять-таки впервые введенный въ употребленіе Пифагоромъ. Задача философа въ томъ, чтобы понять этотъ строй вселенной и его законы, и математика даетъ ключъ къ такому пониманію. Весь протяженный мѣръ, мѣръ тѣлъ подчиненъ законамъ геометріи, поскольку геометрически опредѣляется форма тѣлъ и ихъ пространственныя отношенія. Далѣе, не наблюдаемъ ли мы математическія законности въ области астрономическихъ явленій? И не сталкиваемся ли мы съ такими законностями въ непротяженномъ мѣрѣ звуковъ? Открытіе гармоническихъ интерваловъ блестятельно подтверждало пифагорейскую гипотезу, если не внушало ее собою: не только отношенія величинъ, но и отношенія качествъ опредѣляются математически, допускаютъ числовое выраженіе. Качественныя различія сводятся къ количественнымъ. Отсюда выводъ — „все небо есть гармонія и число“; всѣ факты, соответствующіе этому воззрѣнію, подбираются и „гармонизируются“, всѣ недочеты восполняются для придачи стройности системъ.

в) Ч и с л а

Среди позднѣйшихъ пифагорейцевъ существовало, повидимому, *нѣсколько* различныхъ концепцій, нѣсколько различныхъ попытокъ объяснить существо и происхожденіе міра изъ числа или чиселъ, при чемъ, какъ уже сказано, платоническія и неопифагорейскія умозрѣнія о числахъ нерѣдко смѣшиваются съ пифагорейскими. Но если ограничиться свидѣтельствами Аристотеля и критически провѣреннымъ доксографическимъ матеріаломъ, то и тогда трудно дать сколько-нибудь точный отчетъ о древне-пифагорейскихъ построеніяхъ. Впрочемъ, въ самомъ разнообразіи попытокъ рѣшенія сказывается единство основной проблемы. Все существующее и возникающее, всѣ свойства вещей требуется объяснить математически—такова цѣль, поставленная, повидимому, отъ начала. Преслѣдованіе этой цѣли привело къ важнымъ открытіямъ и гениальнымъ догадкамъ въ области физики; но поскольку методологическій принципъ былъ превращенъ въ метафизическую реальность, поскольку все сущее требовалось объяснить изъ математическихъ началъ или изъ числа, какъ „перваго начала“ математики,—задача дѣлалась невозможной и естественно вызывала *различныя* невѣрныя рѣшенія.

Какимъ образомъ пифагорейцы проглядѣли въ вещахъ тотъ качественный остатокъ, который остается въ нихъ за вычетомъ всего количественнаго? Очевидно, имъ приходилось приписывать числамъ *качественныя* свойства. Мы уже видѣли, что „данная особенность чиселъ являлась имъ какъ справедливость, другая—какъ разумъ или душа“ и т. д.; единица есть начало числа, причина *единства* или *единенія*, двойца—начало множества, раздѣленія, тріединство — первое проявленіе единства во множествѣ; 4 и 7, какъ среднія пропорціональныя между 1 и 10, являются числами или началами пропорціональности вообще, а слѣд., гармоніи, здоровья, справедливости; „четверница“ заключаетъ въ себѣ полноту числа, опредѣляется какъ его „источникъ и корень“, скрывая въ себѣ всю декаду ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$). О тайныхъ свой-

ствахъ этой послѣдней писали Филолай и Архитъ; сила ея „всесовершенна и вседѣйственна“, она есть начало и глава божеской и небесной, и человѣческой жизни ¹⁾. Было бы бесполезно перечислять здѣсь всѣ умозрѣнія о силѣ и качествахъ отдѣльныхъ чиселъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь всего труднѣе различать древнія преданія отъ напластованій позднѣйшаго мистицизма. Отмѣтимъ, что числами опредѣляется и самая внѣшняя форма предметовъ: такъ, единица соотвѣтствуетъ точкѣ, 2 — линіи, а 3 — плоскости, поскольку линія опредѣляется двумя, а плоскость тремя точками; на томъ же основаніи 4 соотвѣтствуетъ первому геометрическому тѣлу, пирамидѣ, и постольку служить началомъ тѣлесности и т. д. Аристотель говоритъ о нѣкоемъ пифагорейцѣ Эвритѣ, который будто бы опредѣлялъ число того или другого предмета, растенія или животнаго, обозначая его фигуру фишками и потомъ подсчитывая эти фишки (Met., XIV, 5, 1092 b 8).

Въ теоріи чиселъ пифагорейцы отъ начала устанавливали различіе между *четными* и *нечетными* числами. „Четъ“ и „нечетъ“—это основные *элементы* числа, основные виды его, при чемъ единица, въ своемъ качествѣ перваго общаго начала всѣхъ чиселъ, иногда опредѣлялась какъ „четно-нечетное“ начало (Ar. M., I, 5, 986 a 15, и Philol., fr. 5). Четныя числа суть кратныя двухъ: они допускаютъ элементарную форму дѣленія—раздвоеніе; нечетныя, наоборотъ, не допускаютъ такого раздвоенія, противятся ему. Они имѣютъ въ себѣ единицу между двумя равными числами (напр., $7 = 3 + 1 + 3$). Поэтому „четъ“ знаменуетъ раздвоеніе, множество, разладъ, а „нечетъ“, напротивъ того,—внутреннее единство, цѣльность, согласіе.

Но мірозданіе не только управляется числами, оно складывается изъ чиселъ, откуда невольно является вопросъ: какимъ образомъ числа получаютъ тѣлесность и протяженность и, прежде всего, какимъ образомъ арифметическое переходитъ въ геометрическое? Нѣкоторымъ отвѣтомъ служить самая теорія чиселъ пифагорейцевъ, которая вся проникнута мыслью объ аналогіи арифметическихъ величинъ и отношеній съ пространственными или геометрическими. Мы знаемъ числа квадратныя и кубическія; пифагорейцы говорятъ также о числахъ линейныхъ, плоскостныхъ, многоугольныхъ, тѣлесныхъ, о числахъ продолговато-четыреугольныхъ и треугольныхъ, о числахъ-гномонахъ.

с) Геометрическое объясненіе.

На ряду съ арифметическимъ мірообъясненіемъ мы находимъ и геометрическое мірообъясненіе, которое связывается съ первымъ,—во всякомъ случаѣ у пифагорейцевъ Аристотеля, а можетъ быть, и несравненно ранѣе.

Мы видѣли, что предшественникъ Пифагора Анаксимандръ признавалъ началомъ всего *безпредѣльное*: міръ сложился изъ нѣсколькихъ основныхъ противоположностей, заключавшихся въ безпредѣльномъ пространствѣ и снова разрѣшающихся въ него въ процессъ вѣчнаго движенія. По ученію пифаго-

¹⁾ Филолай, fr. 11. Ср. Фрагментъ Слевсиппа у Дильса, 245, и у Tannery, Hist. de la science hellène, 374. Пифагореецъ Проросъ, современникъ Платона, писалъ о „седмицѣ“.

рейцевъ, изъ одного безпредѣльнаго нельзя объяснить опредѣленное устройство, опредѣленныя формы вещей, существующихъ раздѣльно. Ученіе Анаксимандра исходило изъ представленія неограниченнаго, безпредѣльнаго пространства, какъ основнаго начала всего вещественнаго міра, всего существующаго. Но изъ одного пространства нельзя объяснить ни физическихъ, ни даже геометрическихъ тѣлъ. Тѣло ограничивается плоскостями, плоскостями линіями, линіи точками, образующими предѣлъ (πέρας) линіи. И такимъ образомъ все въ мірѣ составлено „изъ предѣловъ и безпредѣльностей“, т.-е. изъ границъ и того, что само по себѣ не ограничено, но ограничивается ими. „Природа, находящаяся въ космосѣ (міровомъ порядкѣ),—говоритъ Филолай (fr. 1),—гармонически слажена изъ безпредѣльнаго и опредѣляющаго; такъ, устроенъ весь космосъ и все, что въ немъ“. Этими словами Филолай начинаетъ свое сочиненіе.

„Предѣлъ“ и „безпредѣльное“, или неограниченное, суть элементы всего существующаго,—не только всѣхъ пространственныхъ величинъ, но и самихъ чиселъ. При этомъ у Филолая и „пифагорейцевъ“ Аристотеля мы находимъ странное отождествленіе „предѣла“ съ „нечетнымъ“, а безпредѣльнаго или неограниченнаго—съ „четнымъ“ числомъ, началомъ неопредѣленнаго множества и дѣлимости. „Пифагорейцы утверждаютъ, что находящееся за предѣлами неба есть безпредѣльное... и что безпредѣльное есть четное... ибо, будучи включено и ограничено предѣломъ нечетнаго числа, оно сообщаетъ вещамъ безпредѣльность“ (Ar., Phys., III, 4, 203 a 1). Чтобы уяснить себѣ это смѣшеніе ариметическаго и геометрическаго, обратимся къ другимъ текстамъ. „Пифагорейцы утверждаютъ, что существуетъ пустота и что она входитъ въ самое небо, поскольку оно вдыхаетъ въ себя и пустоту изъ безпредѣльнаго духа (дыханія); эта пустота различаетъ элементы, такъ что она служитъ причиною различенія и нѣкотораго раздѣленія среди непрерывнаго. И это есть первое въ области чиселъ, ибо пустота различаетъ ихъ природу“ (ib., IV, 6, 213 b 22). Такимъ образомъ міръ представляется окруженнымъ воздушной бездною, которую онъ въ себя вдыхаетъ, — древнее воззрѣніе, начало котораго можно искать и ранѣе Пифагора, у милетскихъ физиковъ. Если бы міръ не вдыхалъ въ себя этой воздушной „пустоты“, въ немъ бы не было пустыхъ промежутковъ; все сливалось бы въ сплошной непрерывности, въ безразличномъ единствѣ. Единство борется съ безпредѣльностью, которую оно въ себя втягиваетъ, и результатомъ взаимодѣйствія обоихъ началъ является „число“—, опредѣленное множество: такъ объяснили пифагорейцы Аристотеля происхожденіе всѣхъ вещей. Какъ только первоначальное „единое“ сложилось неизвѣстно какимъ образомъ среди безпредѣльнаго, ближайшія части этого безпредѣльнаго были тотчасъ же стянута и ограничена силою предѣла (Met., XIV, 3, 1091 a 14). Вдыхая въ себя такую „безпредѣльность“, единое образуетъ внутри себя опредѣленное мѣсто, раздѣляется пустыми промежутками, которые дробятъ его на отдѣльныя другъ отъ друга части,—протяженныя единицы. „Это есть первое въ области чиселъ“, которыя возникаютъ такимъ образомъ одновременно съ протяженными величинами, съ тѣлами вообще: они не отличаются отъ самихъ вещей, отъ того, что они счисляють. На этомъ

особенно настаивает Аристотель: небо состоит из чиселъ, природа, чувственные вещи состоятъ изъ чиселъ. Правда, это поясняется тѣмъ, что элементы числа суть элементы всѣхъ вещей, а эти элементы суть, какъ мы только что видѣли, предѣль и безпредѣльное (или ограниченное и неограниченное). Особенность пифагорейцевъ, по словамъ Аристотеля, состояла въ томъ, что „предѣльное, или безпредѣльное, или единое не являлись имъ предикатами какихъ-нибудь другихъ сущностей, напр., огня, земли или тому подобныхъ вещей, но само безпредѣльное, или само единое они принимали за сущность того, о чемъ оно сказывается, вслѣдствіе чего они и признавали, что число есть сущность вещей“ (ib., I, 5, 987 а 13).

d) Таблица противоположностей.

„Другіе пифагорейцы,—говоритъ онъ нѣсколько ранѣе (986 а),—принимаютъ десять началъ, перечисляемыхъ въ параллельномъ порядкѣ

предѣль и безпредѣльное
нечетъ и четъ
единство и множество
правое и лѣвое
самецъ и самка
покоящееся и движущееся
прямое и кривое
свѣтъ и тѣма
добро и зло
квадратъ и продолговатый четырехугольникъ

Нѣчто въ этомъ родѣ признавалъ, повидимому, и Алкмеонъ Кротонскій, и либо онъ заимствовалъ отъ пифагорейцевъ это ученіе, либо они отъ него, ибо Алкмеонъ былъ младшимъ современникомъ Пифагора и высказывался въ смыслѣ близкомъ къ этимъ мыслителямъ“. Этотъ знаменитый врачъ-натурфилософъ также признавалъ двойственность противоположностей въ основаніи всѣхъ вещей, хотя онъ и не опредѣлялъ ихъ „числа и свойства“: таковы черное и бѣлое, сладкое и горькое, доброе и злое, великое и малое и т. д. Зачатокъ этого ученія можно искать пожалуй и у Анаксимандра, который признавалъ возникновеніе и обособленіе противоположныхъ стихій теплаго и холоднаго въ движеніи безпредѣльнаго.

Въ пифагорейской таблицѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что противоположности раздѣляются на два ряда, изъ которыхъ первый рядъ „предѣльнаго“ носить положительный, а второй рядъ „безпредѣльнаго“ — отрицательный характеръ. Первый является рядомъ свѣта, добра, единства, мужского (активнаго) начала, а второй, противоположный первому — рядомъ недостатка, неопредѣленности, мрака, женственнаго (пассивнаго) начала. Въ послѣдующей философіи Платона и Аристотеля всѣ эти противоположности были сведены къ *дуализму формы* — дѣятельной, образующей силы, дающей всему *видъ* (εἶδος), опредѣленную мѣру, устройство, и *матеріи*, безпредѣльной и неопредѣленной, косной, пассивной и безформенной, образуемой въ опредѣленные формы лишь творческою силой перваго начала. Этотъ дуализмъ развивается Платономъ и его послѣдователями, но первое

выраженіе его мы находимъ несомнѣнно у пифагорейцевъ. Вопреки предположенію Аристотеля, самая таблица десяти противоположностей кажется намъ сравнительно поздней, какъ попытка искусственнаго согласованія геометрическихъ, ариметическихъ, физическихъ и этическихъ началъ: но тотъ дуализмъ, который лежитъ въ ея основаніи и который отражается уже въ ученіи Алкмеона, представляется намъ первоначальнымъ.

Но въ основаніи всякаго дуализма заключается философская проблема, требующая рѣшенія: какъ соединяются, сочетаются, согласуются между собою противоположныя начала? Этотъ вопросъ по всей его глубинѣ впервые ставится Гераклитомъ, философія котораго, повидимому, не осталась безъ вліянія на Филолая. Но Гераклитъ прежде всего не знаетъ противоположностей неизмѣнныхъ: онѣ переходятъ другъ въ друга, сочетаются другъ съ другомъ въ самой борьбѣ, уравниваются, нейтрализуютъ другъ друга въ вѣчномъ процессѣ. Далѣе, онъ не столько предлагаетъ готовое рѣшеніе, сколько *постулируетъ* его, т. - е. утверждаетъ высшее единство противоположностей какъ ключъ къ разрѣшенію міровой загадки. Пифагорейцы (какъ Филолай) тоже ссылаются на *необходимость* гармоніи, безъ которой ничего не могло бы существовать. И это тоже древняя черта: врачъ Алкмеонъ признаетъ, что здоровье организма обусловливается равновѣсіемъ, гармоническимъ смѣшеніемъ или соединеніемъ (*σύνμετρος ἁρμονία*) противоположныхъ качествъ, ихъ равноправностью, между тѣмъ какъ исключительный перевѣсъ или господство какого-либо *одного* изъ нихъ („единовластіе“, или „монархія“) вызываетъ болѣзнь. Филолай, который въ медицинѣ слѣдовалъ Алкмеону, видитъ „соразмѣрную смѣсь“ или гармоническое соединеніе въ цѣломъ мірозданіи.

Противоположныя и разнородныя начала не могли бы войти въ стройное цѣлое вселенной, „если бы не наступила гармонія, какимъ бы образомъ она ни возникла“ (fr. 6). Музыкальная гармонія, или согласіе, различныхъ тоновъ является пифагорейцамъ лишь какъ бы случайемъ всемірной гармоніи, ея звуковымъ выраженіемъ. Музыкальная гармонія опредѣляется числовыми отношеніями; Филолай тутъ же ихъ приводитъ: отношеніе тоновъ кварты = 3 : 4, квинты = 2 : 3, октавы = 1 : 2 ¹⁾. Октава и называется „гармоніей“: въ этой „гармоніи“ раскрывается тайна внутренняго согласія *одного и двухъ, единого и двойцы, чета и нечета*. И это единство въ разнородномъ, согласіе въ различіи, которое наблюдается въ музыкальной гармоніи, раскрывается и во всей вселенной: „все небо есть гармонія и число“. Повторяемъ, у пифагорейцевъ было несомнѣнно *нѣсколько* попытокъ мірообъясненія: „природа требуетъ не человѣческаго, а божественнаго разумнѣнн“, говоритъ Филолай (ib.); достовѣрность относительно невидимаго и относительно видимаго доступна лишь богамъ; намъ, людямъ, дано лишь предположеніе, говоритъ Алкмеонъ (Diog., VIII, 83). Лишь въ области математики, въ

¹⁾ По свидѣтельству Аристоксева, изъ восьми „симфоній“, устанавливавшихъ воздѣйствіями теоретиками, его предшественники касались лишь кварты, квинты и октавы (Aristox., *Harmon.*, I, 20; II, 45). Однако Архитъ опредѣлялъ соотношеніе тоновъ въ гаммѣ эвтетической, хроматической и диатонической.

области числа мы имѣемъ свѣтъ высшаго божественнаго знанія, исключаящаго ложь (Phil. fr 11); черезъ число поэтому мы должны познавать все сущее, ибо всѣ конкретныя вещи суть лишь какъ бы *подобіе* того, что мы находимъ въ области чисель.

Космологія пифагорейцевъ.

Мы уже видѣли, что міръ слагается изъ величинъ, изъ предѣла и безпредѣльнаго. Онъ представляется сферой, носящейся въ безпредѣльной пустотѣ и „высходящей“ ее въ себя. Первоначальное *единое*, возникнувъ среди безпредѣльнаго, втягиваетъ его въ себя и тѣмъ самымъ распространяется и расчленяется: въ немъ образуются пустые промежутки, множество и движеніе. Такъ возникаетъ міровое пространство и міровыя тѣла, міровое движеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и самое время. „Космосъ единъ и началъ образовываться отъ центра“, говоритъ Филолай (17). Въ серединѣ его находится огонь очагъ вселенной. Втягивая въ себя безпредѣльное, огонь образуетъ въ себѣ пустоту, отдѣляющую центръ отъ окружности — отъ периферическаго огня, окружающаго небо неподвижныхъ звѣздъ (πῦρ ἑστῶν ἀνωτάτω περιέχου). Центральный огонь Филолай называетъ Гестіей (очагомъ вселенной, домомъ Зевса, матерью боговъ или алтаремъ, связью и мѣрой природы) ¹⁾. Вокругъ него ведутъ свои хороводы десять божественныхъ тѣлъ: небо неподвижныхъ звѣздъ, пять планетъ, подъ ними солнце, луна, земля, а подъ землею „противоземіе“ — особая десятая планета, которую пифагорейцы принимали для круглаго счета, въ виду божественности декады. При ея помощи объясняли лунныя затменія; впоследствии, однако, ее замѣняли „кометой“, въ которой усматривали десятую планету (Arist. Meteor. I, 6, 342 b 29).

Космическія тѣла происходятъ изъ центральнаго тѣла; поэтому-то оно и есть „матерь боговъ“. Эти тѣла прикрѣплены къ прозрачнымъ кругамъ или сферамъ — старинное представленіе, существовавшее среди пифагорейцевъ еще до Филолая (слѣды его мы находимъ и у Парменида). Есть полное основаніе думать, что самъ Пифагоръ переработалъ его изъ ученія Анаксимандра о небесныхъ колесахъ. Планеты вращаются отъ запада къ востоку, обращенныя къ центральному огню неизмѣнно одною и тою же стороною; такимъ же образомъ вращается вокругъ центральнаго огня и земля; мы не видимъ его потому, что земля обращена къ нему другою своей стороною. Поэтому наше полушаріе и не согрѣвается имъ. Оно воспринимаетъ его свѣтъ и теплоту, лишь поскольку лучи его отражаются солнцемъ. Это послѣднее (какъ и луна) представляется стекловиднымъ шаромъ, отражающимъ свѣтъ и теплоту центральнаго огня. Частицы этого огня, уносимыя въ наиболѣе темныя и холодныя сферы мірового пространства, освѣщаютъ, согрѣваютъ и оживляютъ ихъ своимъ движеніемъ: пылинки (ἑστῶτα), играющія въ солнечныхъ лучахъ, суть души всего живого.

Какъ ни наивны эти представленія, непосредственно примыкающія къ

¹⁾ Ast. II, 7, 7 (Dox. 336, вѣроятно, свид. Теофраста).

воззрѣнiямъ Анаксимандра, пифагорейская астрономiя дѣлаетъ важный шагъ впередъ. Она перестаетъ быть геоцентрической, и если мы еще не находимъ въ ней ученiя о вращенiи земли вокругъ своей оси, то все же суточное вращенiе земли вокругъ воображаемаго центра, о которомъ говоритъ Филолай, являлось значительнымъ приближенiемъ къ истинѣ: суточное обращенiе всего неба вокругъ земли было признано кажущимся, центральное положенiе земли и ея неподвижность были отвергнуты. Это привело пифагорейцевъ IV в., сиракузянъ Гикета и Экфанта, къ генiальной догадкѣ о вращенiи земли вокругъ своей оси. Далѣе, еще задолго до Филолая пифагорейцы, признавали круглую форму земли—воззрѣнiе, которое опять-таки встрѣчается у Парменида. Солнечныя затменiя объяснялись прохожденiемъ луны между солнцемъ и землею, измѣненiя временъ года—наклоннымъ положенiемъ земной орбиты по отношенiю къ солнечной. Планеты считались окруженными атмосферой и обитаемыми. Своеобразно старинное представленiе о „гармонiи сферъ“: прозрачныя круги или сферы, къ которымъ прикрѣплены планеты, раздѣляются между собою промежутками, которые относятся другъ къ другу какъ интервалы тоновъ октавы. Всякое быстро движущееся тѣло издаетъ звукъ, высота котораго соотвѣтствуетъ скорости движенiя; поэтому и планеты или ихъ сферы звучатъ въ своемъ движенiи и производятъ созвучiе, являясь какъ бы семью струнами небеснаго гептахорда. Эта гармонiя сферъ не различается нашимъ слухомъ, потому что она звучитъ непрерывно. Замѣчательно, что согласно этой теорiи рѣчь идетъ лишь о семи планетахъ, нижею изъ которыхъ является луна. О „противоземлiи“ здѣсь еще нѣтъ рѣчи и земля еще остается неподвижной—повидимому наиболѣе древнее представленiе ¹⁾. У Филолая мировое цѣлое дѣлится на три части: божественный *Олимпъ*, верхняя область, обнимающая небо неподвижныхъ звѣздъ, *космосъ*—мѣсто правильнаго и равномернаго движенiя планетъ, солнца и луны, и, наконецъ, *уранъ* или небо,—третья, *подлунная* область измѣнчиваго, беспорядочнаго движенiя. Но мы не будемъ долѣе останавливаться на подробностяхъ пифагорейской космологiи.

Упомянемъ только о попыткѣ Филолая объяснить строенiе стихiй изъ правильныхъ геометрическихъ тѣлъ: огонь состоитъ изъ правильныхъ тетраэдровъ, воздухъ изъ октаэдровъ, земля изъ кубовъ, вода изъ двадцатиградниковъ. Эти четыре стихiи были заимствованы отъ Эмпедокла. Оставался еще додекаэдръ, и соотвѣтственно ему Филолай принимаетъ еще пятую стихiю, эфиръ. Такъ и здѣсь физическiя свойства сводятся къ геометрическимъ.

Изученiемъ органическаго мiра пифагорейцы, повидимому, мало интересовались, хотя близкiй къ нимъ врачъ-философъ Алкмеонъ первый занялся анатомiей, физиологiей и эмбриологiей. Онъ указалъ на мозгъ какъ центръ умственной дѣятельности, къ которому черезъ посредство особыхъ каналовъ, или „поръ“, стекаются ощущенiя отъ органовъ чувствъ. Онъ же создалъ вышеупомянутую общую теорiю болѣзней: здоровье зависитъ отъ равновѣ-

¹⁾ См. Zeller, I, 430 сл. Филолай, который говоритъ о десяти небесныхъ тѣлахъ, повидимому, обходитъ „гармонiю сферъ“ молчанiемъ. Древнее ученiе о гармонiи знало лишь семь тоновъ гептахорда (точнѣе, пять тоновъ и два полутона). Земля остается неподвижной среди вращающихся сферъ небесныхъ еще у Парменида (начало V в.).

сія противоположныхъ элементовъ нашего организма, болѣзнь—отъ нарушенія этого равновѣсія.

По замѣчанію Аристотеля, исключительнымъ предметомъ всѣхъ изслѣдованій и трудовъ пифагорейцевъ служить внѣшній міръ (Met. I, 8). Не удивительно, что ученіе о душѣ, несмотря на весь религиозный интересъ, на вѣру въ безсмертіе и душепереселеніе, не могло получить у нихъ научной или философской разработки. Движущаяся частица вѣчнаго огня, сходящая и восходящая въ солнечныхъ лучахъ,—вотъ *физическое* представленіе, какое можно извлечь изъ свидѣтельства Аристотеля (de an. I, 2, 404 a 16). Въ этомъ можно искать связь психологіи пифагорейцевъ съ ихъ астрономіей: душа есть своего рода „астральное тѣло“, которое движется вѣчно подобно солнцу, лунѣ и другимъ „астральнымъ тѣламъ“ (ib. 405 a 30),—представленіе, которое, повидимому, раздѣлялъ уже Алкмеонъ (Diog. L. VIII, 83). Другія опредѣленія, приписываемыя впослѣдствіи пифагорейцамъ,—душа есть гармонія (de an. I, 4, 407 b 27 и Plat. Phaedo 85 E), или душа есть число,—соотвѣтствуютъ ихъ точкѣ зрѣнія, поскольку „все небо есть гармонія и число“. Это показываетъ небесную природу души. Небо, воплощающее въ себѣ математическую законность или божественное число,—разумно; наша душа, способная къ познанію математической истины, имѣть въ себѣ разумъ, есть существо, сродное божественному, небесному. Освобожденная изъ „темницы“ тѣла, чистая душа возносится въ надлунную, въ высшія сферы. Въ „Федрѣ“ Платонъ, очевидно вдохновляясь пифагорейскими мотивами, описываетъ, какъ души, слѣдуя за богами, поднимаются на сводъ небесный, созерцая горнюку, сверхъ-небесную красоту, между тѣмъ какъ одна Гестія остается въ домѣ боговъ; инныя изъ этихъ душъ падаютъ на землю съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода, вернуться на небеса.

Всѣ небесныя явленія (а съ ними и явленія земной жизни) управляются „числомъ“, т. е. математическимъ закономъ, повторяются въ опредѣленные сроки. Среди позднѣйшихъ пифагорейцевъ мы находимъ представленіе о томъ, что души, подобно планетамъ и всему воинству небесному, подчинены роковому закону круговорота. Какъ свѣтила восходятъ и заходятъ въ опредѣленные сроки и затменія наступаютъ періодически, такъ и душа, по истеченіи опредѣленнаго астрономическаго цикла, соединяется съ новымъ тѣломъ и вновь покидаетъ его.

О морали пифагорейцевъ, которая, какъ и у всѣхъ древнихъ философовъ до Сократа, не составляла предмета научно философской разработки, мы уже говорили выше. Вѣра въ объективный законъ и мѣру всего, вѣра въ разумное начало—„число“, зиждущее вселенную, очевидно сказывалась и въ нравственной области, какъ вѣра въ естественную *правду*, въ мѣру и законъ, царствующій и въ нравственномъ мірѣ. Мудрый долженъ проводить въ жизнь эту мѣру и законъ—начало „космоса“, или чиннаго разумнаго порядка и красоты. Онъ врагъ всего безмѣрнаго и неограниченнаго—всякой неумѣренности, невоздержанія, беззаконія. Нравственно-эстетическій идеаль *мѣры* и *гармоніи*, столь свойственный греческому генію, обосновывается всѣмъ философскимъ міросозерцаніемъ пифагорейцевъ.

Общіе выводы.

Подводя итоги этой философіи, испытавшей столь продолжительное развитіе, мы должны отказаться отъ претензіи провести точное разграниченіе между первоначальнымъ ея содержаніемъ и позднѣйшими наслоеніями. Но, во всякомъ случаѣ, судьба ея нѣсколько напоминаетъ самую пифагорейскую космогонію: первоначальное ядро ученія развивается, вдыхая въ себя посторонніе, новые элементы, но вмѣстѣ претворяя ихъ, подчиняя ихъ основной тенденціи ученія. Требованіе математическаго мірообъясненія, давшее такой сильный толчокъ математикѣ и ея приложеніямъ въ физикѣ, представляется намъ основнымъ требованіемъ; ученія о предѣлѣ и безпредѣльномъ, чѣтномъ и нечѣтномъ, о томъ, что все небо есть гармонія и число, о дыханіи міра, изъ котораго рождается пространство и время, о гармоніи сферъ, о круглой формѣ земли, наконецъ религіозное ученіе — вотъ элементы, которые представляются намъ первоначальными. Происхожденіе философіи числа обусловливается сложными мотивами — научно-философскими и мистическими. Успѣхи математическихъ знаній заставили пифагорейцевъ искать въ математикѣ ключъ къ познанію сущаго; но независимо отъ этого мотива, на который указываетъ Аристотель, слѣдуетъ имѣть въ виду, что мистическая символика чиселъ, столь пышно расцвѣтшая впослѣдствіи, имѣла несомнѣнное вліяніе и на самое возникновеніе ученія. Психологическіе и историческіе корни этой мистики чиселъ весьма глубоки: стоитъ вспомнить многочисленныя вѣрованія, связанныя съ числами семь, три, девять, четыре и т. д., у множества народовъ, во множествѣ обрядовъ, у множества мистиковъ, при чемъ числа получаютъ значеніе какихъ-то магическихъ, каббалистическихъ символовъ, созерцаніе которыхъ нерѣдко сообщаетъ тайное высшее вѣдѣніе. Далѣе, числа могутъ служить и философскими символами монизма, дуализма, всеединства или единства во множествѣ. Для пифагорейцевъ число именно служило символомъ такого всеединства — символомъ единообразія, закономерности вселенной. Эта закономерность предполагается, утверждается, постулируется въ этомъ символѣ, болѣе нежели она доказывается, нежели она была доказуема: „природа вещей доступна не человѣческому, а божественному разумѣнію“, но философія постулируетъ это совершенное, цѣльное знаніе. То истинное знаніе, которое доступно человѣку, есть знаніе математическое, раскрывающееся въ отдѣльныхъ теоремахъ геометріи, въ теоріи чиселъ, въ математической физикѣ. Слѣдовательно совершенное, божественное знаніе есть универсальное математическое знаніе: міръ познаваемъ посредствомъ „числа“ — значитъ „число“ есть начало всѣхъ вещей. И дальнѣйшее развитіе пифагорейства сводится, съ одной стороны, къ плодотворному развитію математики, математической физики и астрономіи, съ другой — къ ряду попытокъ осуществить постулатъ цѣлостнаго мірообъясненія изъ математическихъ началъ: здѣсь вмѣсто доказанныхъ и опознанныхъ математическихъ истинъ приходилось довольствоваться арифметическими и геометрическими символами. Три обстоятельства благоприятствовали развитію и продолжительному существованію пифагорейства: успѣхи математическихъ знаній и ихъ приложенія въ области гармоникки и механики; удобство символикки, допускавшей различныя толко-

ванія и болѣе постулировавшей, нежели доказывавшей философскія положенія; наконецъ, самая организація союза, о которой мы говорили.

Тѣмъ не менѣе, недостаточность пифагорейства съ его математической символикой выяснилась весьма рано. Прежде всего, напр., въ области физиологии или науки объ органической природѣ съ математикой нечего было дѣлать. И уже Алкмеонъ, столь близко сходявшійся съ пифагорейцами въ другихъ отношеніяхъ, совершенно оставлялъ въ сторонѣ ихъ философскую арифметику и геометрію; то же дѣлаетъ впоследствии и Эмпедоклъ, на которомъ сильно отражается вліяніе медицинскихъ занятій. Этого мало: уже въ основной проблемѣ физики — проблемѣ движенія, точно такъ же, какъ и въ проблемахъ генезиса, одна математика явно недостаточна, и здѣсь уже сами пифагорейцы возвращаются къ представленіямъ іонійской физики — дыханіе міра, воздухъ, огонь, являющійся сѣменемъ міра. Это послѣднее представленіе залегло въ основаніи ученія пифагорейца *Гиппаса*, который, приближаясь къ Гераклиту, признаетъ *огонь* началомъ всѣхъ вещей. Наконецъ, самая проблема вещества, протяженнаго матеріальнаго множества, не разрѣшается пифагорейской арифметикой. И вотъ пифагореецъ IV в. Эвфаятъ превращаетъ первоначальныя пифагорейскія единицы въ матеріальныя точки — атомы (Aet. I, 3, 19).

Философія пифагорейцевъ была *дуалистической* философійей. Правда, она постулировала и утверждала существованіе гармоніи, сочетающей противоположности. Разъ существуетъ „космосъ“, стройный міровой порядокъ, — существуетъ гармонія, „какимъ бы образомъ она ни возникала“. Но это, очевидно, не есть объясненіе. И вотъ, на ряду съ пифагорейской философійей и ея дуализмомъ возникаютъ два строго-монистическія ученія. Однo изъ нихъ — элейская философія, родоначальникомъ которой считается Ксенофанъ, развивающаяся въ рѣзкой оппозиціи пифагорейскому дуализму; другое — ученіе Гераклита, который исходитъ изъ мысли единства противоположностей въ вѣчномъ процессѣ генезиса.

Хотя Гераклитъ и ссылается на Ксенофана, но, несмотря на это, мы рассмотримъ сперва его ученіе, чтобы уже не возвращаться къ нему впоследствии и не прерывать отступленіями изложеніе исторіи элейской философійи.
